

Швейцарские страницы из жизни Ференца Листа. Часть вторая |

Auteur: Ольга Юркина, [Женева](#) , 21.07.2009.

Женевская Консерватория, где преподавал Лист (www.ge.ch)

Продолжение рассказа о женевском периоде в жизни и творчестве великого пианиста.

|

Лист чувствовал себя в Женеве прекрасно. Он в восторге писал матери, что дом на улице Табаза – «великолепная резиденция» и просил переслать ему из Парижа рукописи, книги, фортепиано и другие личные вещи. Видимо, в начале Лист и Мари планировали остаться здесь надолго: квартира в Женеве стала для влюбленных убежищем и олицетворением домашнего уюта. Мари, со свойственной ей манерой приукрашивать в своих мемуарах первые годы их отношений с Листом, идеализировала и этот «медовый месяц» в Женеве. Улица Табаза представляется ей райским уголком, в котором исполняются заветные мечты: в этой швейцарской идиллии она станет нимфой композитора, его музой. И благодаря шедеврам, которые будут рождаться здесь от руки великого музыканта, как предполагала Мари, весь мир поймет смысл ее жертвы, весь мир узнает, что она бросила семью и общество ради истинного гения и его божественного искусства. Пока же Мари принялась за то, что удавалось ей лучше всего – писать статьи во славу Листа и отправлять их под псевдонимами во французские газеты.

Исследователи до сих пор не пришли к единому мнению, чьему перу принадлежат

статьи о Листе и литературные произведения самого Листа, опубликованные в ту эпоху в парижской Gazette musicale (например, «Письмо поэту-путешественнику»): композитору или его возлюбленной. Вполне вероятно, что Мари приложила руку к некоторым из этих сочинений, создавая в глазах Парижа образ блистательного виртуоза и непревзойденного композитора. Как бы там ни было, своей репутацией Лист был обязан не этим статьям, а своему яркому таланту, раскрывавшемуся все с большей силой.

Озеро Валленштадт, вдохновившее Листа. Herbert Haltmeier

Именно во время пребывания в Женеве Лист завершит работу над некоторыми набросками из своего «Альбома путешественника», трехчастного сочинения, которое впоследствии станет «Годами странствий». В первой тетради («Швейцария, или первые годы») Лист передаст в импрессионистической музыкальной манере свои впечатления от сельских пейзажей Швейцарии, очаровавшей его естественной, чистой красотой природы. Звон колоколов, шум водопадов, игры эхо в горах, вокализы йодля, звуки дождя, грозы и ветра наполняют произведения Листа женевского периода: В часовне Вильгельма Телля, На озере Валленштадт, Пастораль, На берегу ручья, Гроза, Долина Обермана, Эклога, Тоска по отчизне, Женевские колокола.

«На берегу ручья» - одна из первых попыток в фортепианной музыке передать переливы журчащей воды, предвосхищающая «Игру воды» Равеля. За двадцать лет, которые разделяют первую и вторую редакции сочинения, произойдут существенные изменения в исполнительской манере Листа. В момент, когда будет завершен окончательный вариант пьесы, то есть в 1855 году, Лист уже найдет способ играть свое произведение с необыкновенной легкостью, перекрещивая руки во время исполнения.

«Женевские колокола» обладают не только музыкальной, но и документальной ценностью: неопровержимое свидетельство пребывания Листа и Мари д'Агу в Женеве, это произведение посвящено рождению их первой дочери, Бландин, 18 декабря 1835 года. Пьеса имитирует колокольный звон, и один из "колоколов" бьет десять раз: вероятно, символически обозначая час, в который родилась девочка.

Рождение ребенка еще больше сблизило Листа и Мари, несмотря на первые недопонимания и споры, начавшиеся в августе. Дело в том, что Лист оставил в Париже своего любимого ученика, Германа Коэна. В течение двух последних лет мэр и ученик работали вместе и стали неразлучными. Коэн, или «Пуцци», как его называли, часто сопровождал виртуоза во время концертов. После отъезда Листа в Женеву, Пуцци начал тосковать о любимом учителе и написал Листу письмо, умоляя композитора разрешить ему приехать в Женеву и продолжить занятия. Лист согласился и даже помог Пуцци и его матери устроиться по соседству с ним, чтобы мальчик мог возобновить ежедневные уроки. Лист ко всем своим ученикам испытывал теплые отеческие чувства и считал естественным пребывание Пуцци в своем доме. Однако совершенно другое отношение ко всему происходящему было у Мари д'Агу: в своих мемуарах она описывает «вторжение Пуцци» в их уединенную идиллию как вызов и упрекает Листа в том, что он принял решение пригласить ученика в Женеву, не посоветовавшись с ней.

Преподавательская деятельность Листа в то время не ограничивалась частными учениками. Его пребывание в городе совпало с открытием Консерватории, первого музыкального высшего учебного заведения в Женеве. Женевская консерватория была основана меценатом Франсуа Бартолони и открыта осенью 1835 года. Естественно, что внезапный приезд Листа перевернул всю запланированную организацию занятий. пианист сразу же предложил Бартолони свои услуги: безвозмездно преподавать по классу фортепиано наиболее одаренным ученикам и даже разработать для Консерватории особую технику преподавания, «методику фортепиано». Лист надолго не задержался в Консерватории и покинул ее летом 1836 года из-за некоторых разногласий с руководством, однако прощание прошло полюбовно. Бартолони наградил Листа часами, золотой цепью и титулом «Почетный профессор Женевской Консерватории». Что касается намерения Листа написать «методику фортепиано», о нем упоминается лишь в некоторых официальных документах совета администрации Консерватории. А сами экземпляры "методики", обещанные великим пианистом, так и не были опубликованы. Остаются сомнения, не было ли существование «методики» вымыслом и остроумным розыгрышем виртуоза. Об остроумии Листа, кстати, можно судить даже по записям в журнале, где он делал заметки о технике своих учениц в Консерватории. «Жюли Раффар: чувство музыки восхитительное. Маленькие ручки. Блестящая техника. Ида Миллике: женевская пианистка, слабо и посредственно. Довольно хорошая постановка пальцев, довольно хорошая посадка, довольно *довольно*, которые ничего, в общем-то, не стоят. Дженни Гамбини: необыкновенно красивые глаза!»

Ференц Лист за роялем, вокруг - Дюма, Гюго, Санд, Паганини, Россини, Мари д'Агу.

Женевский медовый месяц Листа и Мари д'Агу подходил к концу. Летом 1836 года они решили отправиться на каникулы в долину Шамони у подножия Монблана, в соседней Франции, и пригласили с собой веселую компанию знакомых, предводительницей в которой была Жорж Санд. ОТЕЛЬ в деревушке Шамони, где остановились весельчаки, надолго запомнит их пребывание. Лист начал шутить с самого начала, записав в регистрационной книге: «Место рождения – Парнас, профессия – музыкант-философ, пункт отправления – Сомнение, пункт назначения – Правда». Жорж вела себя вызывающе, пугала чинных английских туристов и курила странные сигареты, которые настоятельно предлагала друзьям. Один из вечеров закончился в дыму опиума. Мари д'Агу, единственная, отказавшаяся от снадобья и потому не поддавшаяся всеобщему опьянению, оставила свои заметки об этом примечательном времяпровождении. Лист дирижировал хором стульев при помощи гасильника для свечей, в неистовстве заставляя замолчать те стулья, которые пели фальшиво. Жорж Санд танцевала и хохотала. Майор Пикте, друг семейства, излишне любивший философствовать, вел дискуссию с воображаемой аудиторией, располагавшейся на потолке...

После Шамони бродячий цирк посетил Мартиньи, Люцерн и, наконец, прибыл во Фрибург, где произошел один из самых значительных эпизодов за все время путешествия. Лист хотел непременно увидеть орган Mooser, недавно установленный в церкви Святого Николая. Гигантский инструмент располагал 63 регистрами и 4 тысячами труб. Путешественники вошли в церковь именно в тот момент, когда органист демонстрировал могущество инструмента, что напоминало, по словам Жорж Санд, «грозу, крики, лай отчаявшихся собак, колокольчики потерянных коров, треск падающих елей... в общем, уничтожение паразитов на картошке». В следующий момент Лист сел за орган и начал импровизировать на тему *Dias Irae* из «Реквиема» Моцарта. Орган внезапно ожил и запел божественными голосами под руками Листа. Очевидцам казалось, что музыка поднимается к самому небу и свет озаряет музыканта, творящего чудо, и дивный инструмент...

Из Фрибурга друзья вернулись в Женеву, где провели еще несколько дней вместе. В прощальный вечер огни в домике на улице Табаза горели до утра. Лист играл на фортепиано, Жорж уселась под инструментом – в единственном месте, где она чувствовала себя «полностью погруженной в звуки». Вдохновленная исполненным Листом рондо *El contrabandista*, писательница не спала всю оставшуюся ночь и в

творческом порыве написала своего «Контрабандиста», в котором попыталась воспроизвести музыкальную структуру рондо. Каникулы «Шамони» закончились, а вместе с ним и женевский период в жизни Листа. Надо сказать, что Жорж Санд суждено было сыграть исключительную роль в жизни Мари д'Агу и Листа. Именно романы Санд вдохновили Мари на побег с любимым и свободолюбивые взгляды, и те же романы, как и яркая личность писательницы, побудили графиню д'Агу заняться литературой в ожидании разъезжавшего по Европе с концертами Листа. Как Жорж, Мари д'Агу позднее возьмет мужской псевдоним: Даниэль Стерн. Проблема лишь в том, что, в отличие от Санд, Мари не хватало великодушия и смелости, а размышления о свободе творческой личности оставались для нее теорией.

Жорж Санд и Мари д'Агу, акварель в альбоме Матильды Одье

© Bibliothèque de l'Institut

Листу и Мари д'Агу заскучали по Парижу, куда и отправились осенью, чтобы вновь встретиться с Санд, Шопеном, Россини, Берлиозом, Сент-Бевом, Бальзаком, Гейне, Гюго и закружиться в вихре богемной светской жизни и сумасшедших вечеров в Hôtel de France. В Швейцарию женевские любовники ненадолго заедут по пути в Италию, к озеру Комо, еще одному райскому безмятежному уголку, словно созданному для творчества и любви. Но Комо станет последним безоблачным островком их счастья.

Рассказ о разлуке Мари д'Агу с Листом получился бы слишком длинным, тем более что документалисты уже раскопали и проанализировали тонны писем, а Бальзак посвятил «женевским любовникам» один из своих романов, «Каторжники любви». Влюбленные проведут незабываемые дни на озере Комо, но разногласия станут неминуемыми. Мари поймет, что Лист никогда не будет принадлежать ей одной. И когда, после потопа в Венгрии, он умчится на Родину давать благотворительные концерты - одни из первых в Европе! - в пользу пострадавших, Мари холодно воспримет это решение, расценив его как измену и желание «покинуть ее». А Лист, без сомнения, искренне любящий Мари, просто задыхался от бездействия: ему нужна была воля, полет, творческий поиск и развитие. Он возвращался к ней, чтобы вскоре уехать вновь. Мари не могла этого выносить. Тем более что во время своих многочисленных путешествий Лист пользовался необыкновенным успехом у женщин и слухи об этом причиняли боль графине д'Агу. Она напишет Листу гневное письмо и разорвет с ним отношения. Чувствуя себя оскорбленной, Мари, вместо того, чтобы поведать миру об интимных моментах творчества великого композитора, свидетельницей которых она была, и издать ценные воспоминания, решит нанести Листу публичное оскорбление, опубликовав скандальный роман «Нелида», где выведет пианиста в неприглядном свете и образе, далеком от действительности. Настолько далеком, что в итоге на посмешище она выставит саму себя, то есть Даниэля Стерна. Стоит добавить, что Лист после разрыва никогда не позволил себе

резких слов в отношении графини д'Агу, проявляя великодушие, и взял на себя заботу об их общих детях.

Женевская идиллия останется для него одним из самых прекрасных воспоминаний, полном нежности и любви к той женщине, которую, возможно, он любил больше всех.

[Швейцария](#)

Статьи по теме

[Швейцарские страницы из жизни Ференца Листа](#)

Source URL:

<https://nashagazeta.ch/news/la-vie-en-suisse/shveycarskie-stranicy-iz-zhizni-ferenca-lista-chast-vtoraya>